

Миростроительство: государство-корпорация

Параллельно с возвышением Америки на планете очерчиваются горизонты иного глобального субъекта — геоэкономической мегакорпорации Нового Севера, порождения универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит.

В 1990-е гг. многие умы предсказывали смещение силовых игр из военно-политической сферы в экономическую вместе с эскалацией нового типа конфликтов — геоэкономических коллизий, разворачивающихся в контексте международных связей. Как писал один из влиятельных сторонников данного подхода, *«геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле — и на всем существующем опыте конфликтных ситуаций»*³⁵. Судьба подобных прогнозов оказалась двусмысленной: они вроде бы и не сбылись, по крайней мере, в промысленной полноте, однако порожденный ими язык оказался весьма удобным инструментом для анализа происходивших в дальнейшем событий.

Геоэкономика как направление социальных наук сформировалась еще в середине XX в. на стыке экономики и политологии. В ее предмете просматриваются несколько аспектов, объединяющих вопросы экономической истории, экономической географии, мировой экономики, политологии и конфликтологии, а также теории систем и управления. Геоэкономика изучает:

- а) политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации;
- б) синтез политики и экономики в международных отношениях, формирование системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления;
- в) пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) различных видов хозяйствен-

³⁵ Карло Ж., Савона. П. Геоэкономика. — М.: Ad Marginem, 1997. С. 42.

ной практики, меняющуюся типологию мирового разделения труда.

Кажется, есть общее понимание, что с экономикой на планете происходит нечто интригующее и одновременно настораживающее: какая-то фундаментальная мутация. Мы наблюдаем изменение привычных форм хозяйственной жизни, сосуществование разнородных регламентов и процедур в данной области, их полифонию или даже какофонию: словно случайно объединенные средой и практикой персонажи действуют в различных системах координат.

В новом веке экономика обретает политическую субъектность и широкий горизонт. Из процесса обустройства земного мира она трансформируется в искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой, особенно ярко проявляющееся в сфере мировых связей³⁶. Стирается не просто граница между внутренней и внешней средой или между экономическими и политическими пространствами, — отчетливым становится доминирование глобального геоэкономического баланса над национальными хозяйствами.

Экономическая деятельность прочитывается как вполне самостоятельная отрасль практики, но одновременно — как трансценденция сопутствующего материала, как перманентное созидание новых, подчас эклектичных предметных/деятельностных полей. Потенциал синтетического космоса представляется фактически необъятным, хотя

³⁶ «Глобализация драматически меняет природу власти. Демократически избранные правительства и их делегаты в международных организациях все более теряют власть, уступая влиянию международных бюрократий, транснациональных корпораций, собственников средств массовой информации и магнатов «глобального» финансового капитала» (Послание правительствам и общественности участников консультации «Глобализация в Центральной и Восточной Европе: ответ на экологические, экономические и социальные последствия». Будапешт, 28 июня 2001 г. // Независимая газета. 3 июля 2001.)

здесь к некоторому пределу подходит развитие хозяйств, чей вектор был устремлен от экстенсивного потребления материальных ресурсов к интенсификации возможностей за счет высокотехнологичного индустриального развития. Сегодня, однако, механизм акселерации, действовавший на протяжении нескольких сотен лет (т. е. поступательная инновационная динамика) затормозился и работает с перебоями.

Инновационная волна начала XX в., породив кризис перепроизводства (а заодно методы борьбы с ним), сменилась со временем планомерной оптимизацией достигнутого. Попытки же вновь совершить инженерный прорыв, вернув локомотив экономики на рельсы интенсивного «шумпетерианского» инновационно-индустриального развития, не привели к значимым результатам, при этом начала снижаться производительность капитала. Информационная техника, средства коммуникации, продукция биотехнологий и нанотехнологий, энергия термоядерного синтеза, новые виды топлива — очерчивают вероятное пространство действия, но не производят само действие, которое можно предъявить обществу, поставив на одну доску с промышленным переворотом начала прошлого века.

Экономика в привычных обликах — сельскохозяйственная, промышленная, индустриальная — обрастает дополнительными проблемами: ресурсными, трудовыми (социальными), экологическими, становится обременительной и как бы второсортной. Стимулы развития, особенно в условиях дефицита радикальных изобретений и выдающихся технических инноваций, все чаще оказываются за пределами поля актуальных операций. Требуется существенное обновление инженерных и индустриальных прописей, некий механизм, на сегодняшний день отсутствующий.

Между тем возникают хозяйственные комбинации и стратегические альянсы, отличные от промышленных ко-

дов предшествующего этапа развития³⁷. Один из геоэкономических векторов XXI в. — связь политики с тем, что являлось традиционно областью экономики: природными ресурсами, прежде всего — энергоносителями. Финансы и энергетика — два актуальных камертона, тональности которых значимы как для стратегических, так и для насущных проблем практики. На поле, очерченном данными векторами, разворачиваются геостратегические игры и штабные учения по организации миропорядка.

(Пост) современная экономика, кроме того, уже не просто хозяйственная, производственная сфера, но по преимуществу информационный, бухгалтерский, цифровой мир и с какого-то момента не только турбулентное пространство финансов, но также форма эксплуатации политических и правовых ресурсов. С этим связано осознание смысла нематериальных ресурсов, причем не только как финансово значимого компонента, но и как вполне самостоятельного актива. (Однако и более того: стоит сравнить, к примеру, нематериальный, но в определенной, порою значительной мере отчуждаемый капитал светского политика/администратора, и нематериальный, неотчуждаемый капитал духовного лидера.)

Отчетливее становятся сложность и неоднородность геоэкономической среды, ее фактическая многоярусность.

³⁷ Деструктивная параэкономика подчиняется иным, нежели легальная экономика, законам, фактически производя ущерб, то есть своего рода *отрицательную потребительскую стоимость*. Распечатываются и интенсивно эксплуатируются в глобальном масштабе, с применением современных технических средств запретные виды практики: производство и распространение наркотиков, крупномасштабные хищения, рэкет, контрабанда, коррупция, казнокрадство, компьютерные аферы, торговля людьми, «дешевое» захоронение токсичных отходов, отмывание грязных и производство фальшивых денег, коммерческий терроризм и т. п. Для данного класса операций, включая и такой подвид, как «трофейная экономика» (расхищение ранее созданного цивилизацией потенциала), обоснованно введение категории «отрицательная стоимость», соответствующей *производству вреда*, в том числе причинения ущерба окружающей среде, техносфере и людям.

Экономическая история последнего века неоднозначна: наряду с тенденцией фритредерства и либерализации глобального рынка проявлялось стремление к устойчивому, системному контролю над хозяйственной деятельностью, реализации в данной сфере того или иного политического (управленческого) проекта.

Методы при этом заметно различались. От явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких — проклюнувшихся в амбициях международных институтов развития, мировых регулирующих органов, в структурах интернационального политического и финансового контроля или в некоторых особенностях генерации ТНК (к примеру, неолиберальные регулирующие технологии). Так, параллельно с конфликтом прошлого столетия между «социализмом» и «капитализмом» развивался менее очевидный, но, возможно, более универсальный процесс подавления, делегирования, маргинализации частного и национального суверенитета, компрометации либерализма, введения в эту сферу деятельности разнообразных «надстроек».

Сегодня на подобной основе проектируются не только модели международных систем безопасности/сотрудничества, но и геоэкономические конструкторы наподобие глобальной налоговой системы, всемирной *currency board*, страхования национальных и региональных рисков, системы национальных банкротств или долгосрочного планирования динамики и географии ресурсных потоков. А также проекты конвертации виртуальных кредитов в активы новых объектов собственности с последующим их масштабным перераспределением. Кроме того, сформировалась галактика виртуальной физики — пронизывающая социальный космос «темная энергия», стремящаяся преодолеть гравитацию политической и хозяйственной практики, превзойти любые мыслимые пределы роста.

Моделью архитектоники геоэкономической (трансэкономической и парapolитической) вселенной может слу-

жить все тот же многоярусный «китайский шар». Геокон (геоэкономическая конструкция) последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в сложноподчиненную топологию экономистичного универсума. На нижнем, географически локализуемом уровне это добыча природных ископаемых, а также сельскохозяйственное производство, затем — их использование природозатратной экономикой. Другой, более высокий этаж — производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством товаров и услуг. На транснациональном ярусе — производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления прочими объектами (в свою очередь, плодятся потребность в подобных ресурсах и услугах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства — сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию собственного потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также системный контроль («крышевание») над различными видами асоциальной практики. На планете выстраивается глобальный многоуровневый *Undernet*, эксплуатирующий возможности для не ограниченных моральными препонами форм легальных и иллегальных организаций, где неформальный стиль, гибкость оказываются существенным преимуществом. Отсюда в «большой социум» проникают финансовые ресурсы невинного генезиса и правила игры, в которых правовой, тем более, моральный контексты утрачивают былое значение.

Наконец, высший этаж геокона — строительная площадка «штабной экономики», арматура глобального управления метаэкономикой, производство самих «правил игры»: регламентов и консенсусов, прямо и косвенно сочетающих экономику с политикой, предвосхищая унификацию источника легальных платежных средств, тотального контроля над их движением, появление унитарной системы налоговых платежей.

Все это вместе взятое способно претворить «земли» геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира — волшебный источник специфической квазирен-ты. Характер замкнутой модели подобного социума можно описать следующей формулой: *то произведено, что продано, то капитал, что котируется на рынке, а бытие определяется правом на кредит*. Не до конца освоенной остается, пожалуй, лишь завершающая логический круг теза: *тот не человек, кто не налогоплательщик*.

* * *

Другой вектор (пост) современного мира связан не столько с экономической стратификацией и унификацией, сколько с особого рода деятельной полифонией, раскрытием многогранного потенциала *новых организованностей*.

Транснациональный универсум, обладая подвижной системой координат, избирает для себя ту или иную конфигурацию как средство конъюнктурной фиксации *status quo*. Динамичный космос начинает походить на *мир игры*, где не все существующее достоверно, не все достоверное реально, вероятности и концепты — капитализируемы, а феномены устойчивы, но отнюдь не обязательно равновесны.

Парадоксальность ситуации проявляется в странном на первый взгляд возрастании индивидуальной свободы при одновременном развитии структур контроля в условиях массового общества...³⁸

Что касается нового поколения человеческого смешения, то на планете складывается особый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом и сетевой средой в целом. Данные персонажи в центр активности ставят некую нематериальную цель, серьезно

³⁸ Здесь я бы сослался на свою тетралогию, опубликованную в журнале «Знамя»: «*Контуры Нового мира и Россия (геоэкономический этюд)*» (1995. № 11), «*Конец цивилизации, или Зигзаг истории*» (1998, №1), «*Конец эпохи Большого Модерна*» (2000. № 1), «*Мир Игры, или четыре монолога о сценографии после современности*» (2004. № 11).

Художник А.В. Шершнеv,
гравюра на пластине

понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно — собственное прочтение бытия, успешно решая заодно сугубо экономические задачи.

По этим лекалам ранжируются затем прочие виды корпоративной практики.

Вокруг смыслового центра выстраиваются ассоциации, группы, причем решение ряда рабочих схем передается сопредельному строю на условиях аутсорсинга. В целом

же стратегия агломерата тяготеет к сочетанию поисковой, венчурной активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном направлении. Применяются также матричные технологии, организующие среду, создавая желательные для стратегических целей и удобные для текущей деятельности коллизии и ситуации.

Ориентация на гибкие организационные схемы защищает в случае серьезных потрясений. Предприимчивые констелляции («звездочные организмы») способны жертвовать частью ради сохранения целого; кроме того, данный тип оргкультуры позволяет осуществить групповые действия с широким охватом пространства и целей, решая комплексные задачи, выстраивая пространные системно-модульные схемы. Все это в той или иной мере совершалось, конечно, и раньше, но масштаб, последовательность, оперативность были иными.

Глобальный охват и кумулятивный эффект достигаются за счет технических и технологических механизмов, произведенных и апробированных цивилизацией сравнительно недавно. Другими словами, полноценная реализация новой культуры освоения мира оказалась возможной имен-

но на базе постиндустриального уклада. Ее отличительные свойства — универсальность экспансии, интенсивная и широкомасштабная коммуникация, разведка, контроль и управление, расширение компетенций, множественный выход в пространстве политики — в свою очередь порождают и совершенствуют инструментарий для обустройства динамичной среды обитания, *институализируют* ее амбивалентные протоформы: в виде ли государств-корпораций, «астероидных групп», прочих амбициозных персонажей (пост) современного мира. Синтетический подход к практике предполагает органичную взаимосвязь экономических, политических, идеологических задач (*аспектов*), позволяя решать каждую из них гораздо эффективнее за счет достигаемого синергического эффекта.

Речь, в сущности, идет уже не о хозяйственной активности, а о создании альтернативной системы управления материальным миром, о решениях, напрямую касающихся стратегий его развития, о властных импульсах и творческих инициациях, о сведении воедино на новой культурной платформе различных направлений человеческой активности. О новых техниках действия и целях обустройства земного бытия, о специфическом топографировании социального ландшафта. Наконец, о членах транснационального «воздушного класса», действующих вне привычных структур власти. Понятие «корпорация» в этих условиях возвращает себе основательно подзабытый смысловой отенок.

Это, повторюсь, борьба не только интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей, технологических решений, но, прежде всего, — борьба мировоззрений, кодекса прежней цивилизации и семантики новой культуры. Сетевые конгломераты прочерчивают границы собственной географии, выступая как, хотя и «виртуальные», однако фактически равнозначные и все более влиятельные партнеры привычных структур управления.

* * *

Вскоре после эйфории рубежа 1980/90-х гг. обнаружилось, что силовые и военные угрозы отнюдь не канули в прошлое. Более того, в мире Большого Разрыва (*Big Rip*), как оказалось, возникает новый класс угроз. Проблема заключалась, скорее, в психологическом, семантическом сдвиге, в форме опознания, *конституирования* изменившегося положения вещей.

То, что произошло 11 сентября 2001 г., изменило восприятие мира, но не сам мир. Перемены произошли раньше. Дело даже не в том, что трансформация не осознавалась до «часа X» во всей полноте, — бюрократический механизм, в принципе, плохо приспособлен к преадаптации, т. е. к реальному противостоянию нереализовавшимся угрозам. Дело, скорее, в многочисленных проявлениях нового порядка вещей, в густой поросли следствий, пробившей твердь повседневности и наполняющей своими плодами землю.

Между тем в сундуке «Пандора–21» скапливается критическая масса неприятных сюрпризов:

- формирование новой географии конфликтов и распространение «войн за ресурсы»;
- развитие глобального финансово-экономического кризиса с последующим изменением социополитических скреп;
- возможность контраступления мобилизационных проектов и возникновения принципиально иных идеологических конструкций;
- радикальный отход ряда держав от существующих правил игры, более свободное применение военных средств, в том числе в качестве репрессалий;
- демонстрационное использование оружия массового поражения, прямая угроза его применения;
- вероятность региональных ядерных конфликтов в странах Третьего мира, либо той или иной формы инцидента с оружием массового поражения (как ядерно-

го, так и радиологического, химического, бактериологического) в странах Севера;

- превращение терроризма в многоуровневую систему, транснационализация и глобализация асоциальных и криминальных структур.

В конечном счете, вероятным сценарием становится ускорение расслоения мира, причем ведущее отнюдь не только к неолиберальной его реконфигурации и дальнейшей моральной секуляризации, но также к утверждению некоей диффузной социальности, универсальной децентрализации, не ограниченной апробированными прописями глокализации. Наравне с нарастанием в этом же контексте (и, в сущности, с теми же мотивациями) — постмодернистских версий квази-фундаментализма, автаркичной регионализации, центробежной, а затем и центростремительной неоархаизации.

Профессор Йельского университета Пол Брекен еще в конце прошлого века заметил: *«Созданному Западом миру (уже) брошен вызов... в культурной и философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 1960–1970-х гг., утверждает сейчас также в военном аспекте»*³⁹. Выдвигая тезис о наступлении *«второго ядерного века»*, — т. е. ядерного противостояния вне прежней, биполярной конфигурации мира, — американский политолог характеризовал его следующим образом: *«Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран — от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века...»*⁴⁰.

Более определенно сформулировал тогда же позицию Международный институт стратегических исследований

³⁹ Foreign Affairs. January-February 2000.

⁴⁰ Ibid.

(IISS) в докладе о тенденциях мировой политики. Вывод: главную угрозу представляют региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество «балансирует на грани между миром и войной»⁴⁰.

Действительно, перечисление субъектов азиатской военной мощи: Китай, Япония, Тайвань, Северная и Южная Кореи, Вьетнам, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Армения, Турция, арабский мир, — несмотря на неполноту и эклектичность списка, а может быть, именно вследствие этой эклектичности заставляет задуматься над степенью безопасности XXI в. А при ближайшем рассмотрении проблема оказывается и глубже, и сложнее.

Процедуры сдерживания и соответствующие системы безопасности, основанные на применении «оружия Судного Дня», были явно и неявно ориентированы на определенную систему ценностей, нормы и стереотипы поведения. Сегодня же менталитету Запада (а точнее, ментальности общества Модерна) противопоставлен цивилизационный вызов, включающий не просто более свободное, нежели прежде, но, что существенно, базирующееся на иной культурной платформе использование военных структур и оружия массового поражения.

Возрастает также значение «негосударственных игроков» на планете. Генеральный директор IISS Джон Чипман недавно констатировал, что эти игроки на сегодняшний день уже *«достаточно сильны, чтобы противодействовать американским планам, хотя еще слишком слабы, чтобы сформировать привлекательную глобальную альтернативу либо реализовать жизнеспособную локальную программу без иностранной поддержки»*.

Можно предвидеть появление форм конфликтов и путей их урегулирования, связанных так или иначе со взломом прежней системы социальной регуляции, равно как и привычных методов применения силы, и вообще — пере-

⁴¹ Коммерсант. 2000. 5 мая.

осмыслением ее содержания. В общем, человечество вступает в эру изменившихся правил игры — «нецивилизованных войн» различной типологии и масштаба. Мир Модерна столкнулся с противником многоликим и атомизирующимся, а то и просто с анонимной агрессией.

* * *

Некоторое время назад мне довелось участвовать в совещании по безопасности Центрально-Азиатского региона, на котором, в частности, обсуждалась ситуация с наркотрафиком⁴². Ситуация эта в привычной системе координат представляется практически безнадежной. Почему?

Дело тут в нескольких существенных факторах, одним из которых является организационная асимметрия государственных органов и криминальных кланов.

Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри звездочной структуры наркокартелей серьезно повышает их адаптивность, эволюционные потенции к изменениям среды и принимаемым мерам. Кроме того, финансовое благополучие подобных организаций зиждется на иных, нежели у конвенциональной экономики принципах, а щедрое использование ресурсов не понижает конкурентоспособность. Борьба, ведущаяся «большим социумом» со столь специфическим предложением, на практике снимает проблему перепроизводства, устранения мелких конкурентов и, кроме того, периодически создает нервность на рынке, «подогревает» его, помогая тем самым поддерживать определенный уровень цен, и даже фактически повышает конкурентоспособность корпорации. Образующийся время от времени избыток товара не гниет на складах, не списывается, не уничтожается — его прямое

⁴² Отчет о Бишкекской встрече, на которой в феврале 2001 г. обсуждалась тема «Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности», см. в журнале «Восток» (Oriens), 2001, № 5.

использование оплачивает совершенствование оргсхем, альтернативные маркетинговые технологии, инновационные вариации трафика и «апгрейд» систем безопасности.

В результате борьба с наркотрафиком подчас напоминает усилия по локализации вирусных эпидемий, т. е. усилия, приводящие, в конечном счете, к возникновению более изоциренных и жизнестойких форм напасти.

Контурь глобальной нестабильности проявляются и в феномене *диффузных войн* — происходит транснационализация террористической деятельности, диффузия временных и пространственных границ и форм военных/паравоенных конфликтов, их субъектов-объектов, средств и методов ведения боевых действий. В условиях цивилизационного транзита, когда родовые признаки прежнего контекста деформированы или ослаблены, существующие системы обеспечения безопасности становятся менее эффективными.

Цивилизация, переходя в иное качество, сталкивается с новым типом угроз всерьез и надолго. И хотя разрабатываются, апробируются многие средства и технологии, тем не менее, приходится задумываться не столько о повышении эффективности существующих систем и подходов, сколько о принципиально других путях обеспечения стратегической стабильности, об альтернативной концепции безопасности и радикальном обновлении реестра действий в критических ситуациях, об изменении самой логики борьбы с аномизацией общества и международным терроризмом как явлением.

Новое поколение технологий нельзя выстраивать по лекалам прежнего мироустройства. Однако системы обеспечения национальной безопасности, и, прежде всего, вооруженные силы, оказались, в целом, настроенными на прежнюю типологию угроз. В новых же конфликтах их мощь, ориентированная на монотонную эскалацию утращения, а не на активную диверсификацию форм противодействия (и опознание изменившихся условий/пространств борьбы), порою уходит в песок.

Художник В.В. Покатов.
Гравюра на дереве. Серия «Жемчужины русского зодчества
в экслибрисах художников»

Эти системы были созданы, прежде всего, для борьбы со средствами нападения таких же государств или их коалиций, по крайней мере, с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что, как минимум, имеет географически локализуемую структуру. А против новых субъектов, против новой типологии финансовых, экономических, информационных, террористических и иных структур действия, «не имеющих отечества», прежние системы оказываются гораздо менее эффективными⁴³.

Но меняются не только системы нападения, мутируют также объекты защиты, при этом они субъективизируются и расслаиваются, словно лента Мебиуса соединяясь затем с эволюционной ветвью-близнецом.

На упоминавшейся Бишкекской встрече автором была предложена к обсуждению *квазиэкологическая методология* противодействия негативным социальным явлениям. Суть концептуальной схемы — отход от рефлекторной политики («борьба с симптомами») и переход к системным, матричным действиям, типологически схожим со стратегией противостояния вирусным эпидемиям или экспансии нежелательных популяций: «*преадаптация*», «*разрушение потенциала антисистемы*», «*финансовая стерилизация*», «*подрыв патогенной среды обитания*», «*медицина здоровья*», «*обеспечение стандарта социально-экономического благополучия*», «*альтернативный ландшафт*»...

Новый терроризм, что бы ни кодировалось данным понятием, выйдя на поверхность, утратил некий потенциал внезапности, потеряв как феномен безликость. Дефицит стратегического мышления проявляется, между тем, не в отсутствии значимых целей, а, скорее, в недопонимании формирующегося контекста и новой логики событий и, со-

⁴³ Ср.: «устрашение как угроза массивированного удара возмездия по странам-агрессорам — пустой звук для тайных террористических группировок, не имеющих ни страны, ни граждан, которых следует защищать» (из речи Дж. Буша-младшего перед выпускниками военной академии Вест-Пойнта 1 июня 2002 г.).

ответственно, в определенной мистификации реальности. К сожалению, в поисках панацеи от обновляющихся угроз часто приходится сталкиваться с гипертрофией прежней логики обеспечения безопасности: надежды возлагаются на совершенствование уже существующих методов и технологий, фактически на их воспроизводство, хотя и на новом уровне. Так, к примеру, обретают плоть модели, в рамках которых социальное пространство уподобляется цифровому⁴⁴.

Действительно, специалисты по безопасности признают, что, скажем, выследить компьютерного взломщика в Интернете значительно легче, чем преступника в обычном мире: компьютерные сети, набор серверов и протоколов представляют среду, где варианты поведения ограничены и фиксируемы, процессы могут быть декодированы и, таким образом, проконтролированы. А вот вне сетей, в реальном, а не виртуальном сообществе кодов поведения существует неограниченное множество при явном дефиците «протоколов». Если дальше следовать данной логике, то задача состоит в том, чтобы сузить множество вариантов поведения человека и уверенно контролировать оставшиеся.

Идеал подобной среды — тотально контролируемое общество. Попытка создать «всеобщий каталог», ввести пожизненный личный код, систематизировать персональную информацию предпринималась и в странах Шенгена, и в США, где специалистами разрабатываются универсальные системы (*Digital Angel, Aura, Oracle* и др.). Все это, однако же, есть коренная ревизия начал современной цивилизации, путь к уплощению личности, превращению, в конечном счете, субъекта в объект.

В новой психологической атмосфере ведутся активные дебаты о жизненной необходимости ограничить некоторые ключевые свободы, о разрешении спецслужбам

⁴⁴ Кстати говоря, в настоящее время целенаправленная агрессия против национального информационного пространства признается в США как вполне законный *casus belli*.

доступа к частной информации. Скачкообразное ужесточение специальных процедур уже получило ярлык «новая нормальность». И вновь надежды возлагаются на технологии — информатику, биометрику, цифровые коды, телекоммуникационные системы, эволюция которых начинает угрожать фундаментальной ценности нашего мира — свободной личности.

Возникает порочный круг. Подобный сценарий является на деле тупиком цивилизации, ее логическим концом. Это ответ охранительного механизма на растущий организм, стремление переломить, а не оздоровить логику развития. Возможно, с технологической точки зрения, задача тотальной слежки и может быть решена, но приведет это к созданию еще большей угрозы. В конечном счете, получится, что основной источник опасности — сама свобода.

Свобода — обоюдоостра. В пространстве исторического действия возник новый субъект, творящий реальность, — свободно действующая личность, отсеченная от прежних культурных корней. Этот новый человек, ощущая себя элитой нового мира, независимо от форм включенности в прежнюю систему, способен безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» стороны социальной иерархии. Сейчас у него в руках могучие инструменты: финансовые, организационные, информационные, технические. При этом диалог подобных личностей и пассионарных групп ведется через головы других людей, воспринимаемых как безликий хор статистов.

Мир столкнулся с активным проявлением новой психологии, с интенсивным процессом социального творчества, со сменой культурных мотиваций и социальных ожиданий. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной элиты, набирающей вес, но не нуждающейся в институализации социальных претензий (по крайней мере, в прежних формах), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, даже эзотеричности семантики актуальных связей.

Прочерчиваются несколько сценариев развития событий. Мировое сообщество оказывается поставленным перед альтернативой создания комплексной системы глобальной безопасности, «ориентированной на новый орган всемирно-политической власти» (З. Бжезинский), или переходом к явно неклассическим сценариям нестационарной модели международных отношений (в диапазоне от моделей *управляемого хаоса* до еще более интригующей и еще менее исследованной области *управляющего хаоса*).

Субъекты транснациональных связей, действующие поверх прежних социальных конструкций и взявшие на себя бремя формирования будущего, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, гегемонизме, терроризме. Однако они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии, утрачивающие прежнее значение и приобретающие оттенок маргинальности в меняющейся социальной среде. И эта же элита, выходя из-под контроля общества, обретает доступ к рычагам управления механизмом тотального контроля.

Логическая траектория, чей дизайн достаточно вятен, — завершение строительства геоэкономического каркаса⁴⁵. При этом не исключаются серьезные модификации политико-экономической реальности: к примеру, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение ресурсов, энергии, объектов собственности, радикальное изменение структуры цен, в том числе за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов.

Однако если каталогизация мира окажется своего рода иллюзией (истоки которой коренятся в механистичных

⁴⁵ Подробнее см.: Неклесса А.И. Ordo Quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития — М.: Экономика, 2001; он же. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования. М.: Логос, 2002.

идеалах Просвещения) и будет все чаще спотыкаться о возникающие противоречия, приоритет перейдет к формуле глобального контроля, базирующейся на стратегии прямых действий и превентивных компенсациях практики. Можно также предвидеть развитие кризисов и регулирование конфликтов, связанное с амбивалентной субъектностью мирового андеграунда, с инверсией в применение силы.

* * *

Вопросы, поставленные в ходе рассуждения, тем не менее, остаются. Что все-таки возобладает в международных отношениях: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повысится или снизится градус цивилизации?

Мы видим, что история по-своему беспощадна к Соединенным Штатам как мировому гегемону и национальному государству. Америка взяла на себя бремя глобальной ответственности. Но, оказавшись перед необходимостью постоянно подтверждать этот статус, она близка к фрустрации, ибо столкнулась на своей территории с конфликтом элит, а вовне — с энергиями переворота и многоликой субъектностью, для взаимодействия с которой нет ни соответствующих институтов, ни отлаженных механизмов. США в значительной мере объединили против себя разнородные силы, обращая соперников в партнеров, случается, соединяя конъюнктурными узами даже смертельных врагов.

США обладают впечатляющей силой, однако серьезная неудача может стать триггером не менее впечатляющей реконфигурации мировой системы. Призраки иных версий миропорядка, появляющиеся на глобальном табло, отражают и явную, и тайную конкуренцию игроков. Но что существенней — формирование поколения претендентов на земли, лежащие за горизонтом. И новое отношение к «дальней границе» истории.

Калейдоскоп событий, связанных, скажем, с иракской войной и шире — реконфигурацией Большого Ближнего

Востока и еще шире — стратегическим дизайном Евразии, становится своеобразным моментом истины для актуальных версий мирового порядка. Кстати, одно из саркастичных определений Соединенных Штатов — «бегемот с совестью». Америка при всех критикуемых недостатках — государство, декларирующее демократическую систему ценностей. А одна из повторяющихся претензий к США (косвенно указующая на планку отсчета) — *лицемерие*, чреватое мутацией могучего организма, перерождением культурных и идейных (а заодно и социальных, а в перспективе и политических) основ, сменой цивилизационного кода.

В логике военно-политического действия, как отмечалось ранее, обладание могуществом и средствами господства предполагает их активное использование (создание прецедентов с последующей легитимацией). Обратная ситуация чревата утратой и обесмысливанием силы. Дестабилизация мира, в свою очередь, легитимирует применение силы и введение плотных форм контроля и управления.

Проблема, возможно, заключается не в гегемонизме Америки, а в том, что с задачей установления мирового порядка она не справляется. Будет ли это означать торжество другого конструктивного проекта: транснационального, европейского, исламского, конфуцианского, многополярного либо иного? Имеется ли у прочих персонажей исторической драмы возможность принять бремя глобальной ответственности? И что в таком случае видится альтернативой мировому порядку? Иной, одиночный или коллективный гегемон? БРИК? Глобальное сетевое общество? Выход на поверхность трансграничного андеграунда? Выглядывающая — порою в неожиданных местах и обличьях — *цивилизация смерти*? Мировой терроризм — лишь один из наиболее приметных ликов этой футуристической квазицивилизации.

Политическая механика пребывает в состоянии транзита. В плаценте Нового мира вызревают оригинальные плоды практики: корпоративные антропологические организованные. О них уже шла речь выше. Эти организмы

не слишком вписываются в прежний формат социума, пребывающий в состоянии декомпозиции, не слишком внятно прочитываются в летописном своде, утверждая на листах правила собственной грамматики.

Конstellяции «земного неба и небесной тверди» носят неясный, анонимный, мифологизированный характер, у них свои цивилизационная семантика и политическая синтактика. Режим делегирования полномочий, естественный для представительной демократии, явно не из данного свода. Будучи субъектами прямого действия, амбициозные игроки вершат акции поверх социальных конструкций, избегая включенности в процессы, скроенные по меркам публичной политики. Они и воспринимаются как иррегулярный, анонимный фактор, подчас сознательно ориентированный на деструкцию старых организованностей либо — что все же более привычно — на манипулирование привычными персонажами.

Как следствие, в летописях переходного периода соприступают два параллельных текста, один из которых исследован и декодирован, но, увы!, принадлежит прошлому, другой — прописанный преимущественно симпатическими чернилами — представляет *terra incognita*, лежащую в иной системе координат.

В прежней грамматике деятельность антропологических организованностей рассматривается, скорее, как навязчивая девиация, нарушающая правила игры, как повторяющееся их несоблюдение, досадная помеха. В новой семантике эти организмы — протоформы иного, парагосударственного мироустройства. И как результат — инициируется иной протокол действия.

Для многих категория государства является едва ли не синонимом социальности, она действительно шире понятия национального государства, но еще Гегель отличал *идеал сущего* от *идеала возможного*. Лапутания создает собственную географию, прочерчивает свою дорожную карту, сливаясь с прежним ландшафтом через систему терминалов и *hub*'ов. Это уже не прежний Север (квазигеографическое, но все

же связанное с географией понятие), а своего рода растекшийся по планете глобальный, пульсирующий слой, мировой Север, интегрирующий в своей деятельной субстанции метрополисы и порталы прежней геосистемы. А в качестве изнанки существует мировой Юг, чьи корни, удлиняясь и ветвясь, уходят ниже и глубже в мировой андеграунд.

Многомерные инновационные пространства становятся доминантными по отношению к привычным формам организации, наподобие национального государства, генерируя рецептуру экзотичной социализации, соединяя осколки национальных корпораций в молекулы футуристичного гипертекста. Этот бурлящий, расширяющийся космос и есть Новый мир, а ускорение транзита отражает формат происходящего сдвига.

В попытках формализовать эшеровскую архитектуру, идущую на смену линейной метрике Восток–Запад, кажется, заключена причина популярности тем «столкновения» и «диалога» цивилизаций, «империй» и «интегрив» как попыток осмысления миростроительства, поиска определений многообразию, всплывающему из вод истории.

От осознания масштаба перемен и верного опознания зыбкого ландшафта, от выбора маршрута в океане транзита под сполохами утренних/сумеречных миражей зависит также судьба России. *«Куда ж нам плыть?...»*

* * *

Глобальная проблематика, долгосрочное проектирование, комплексность подхода к социальной реальности, начиная где-то с рубежа 1960/70-х гг., стали основой активного представления будущего и популярной тематикой (во многом в результате работы Римского клуба). В сущности, была продемонстрирована обостренная реакция на новизну ситуации, управление интеллектуальным дискурсом и очертаниями генерального проекта (в результате в повестку дня вошли такие темы, как трансдисциплинарность, разрядка, экология, «пределы роста» и т. д.).

Рассуждения о композициях общежития велись в те годы в обстановке футурологической эйфории и целенаправленной деятельности по «строительству мостов» (в частности, в сфере ограничений стратегических ядерных вооружений), проектирования *détente*⁴⁶, предчувствия неизбежности конвергенции политических систем, замышлявшегося продвижения неолиберальной модели и унификации экономических прописей, а также необходимости социальной и политической конвертации плодов обвальная деколонизации Не-Запада («Третьего мира»), решения возникавших при этом экологических, демографических и ряда других проблем.

В истории человечества биполярность принимала различные облики. Даже дихотомия Востока и Запада имела разные социокультурные измерения: конфессионального противостояния («христианство — язычество»), культуртрегерской миссии («цивилизация — варварство»), политического противоборства («капитализм — социализм») ... В конце 80-х гг. вместе с кризисом привычной матрицы биполярного мироустройства возникла, однако, вероятность иного, «не-биполярного» социума, опознаваемого в зависимости от конъюнктуры то как мир «однополярный», то как «многополярный». Перспектива утраты прежних оснований, в конечном счете, предопределила взрывную, широкую популярность двух альтернативных привычным меркам концептов: «конца истории» и «борьбы цивилизаций».

Первый обозначил своеобразное исполнение миллениаристских чаяний, воспроизводя по-своему оригинальную версию мондиалистской утопии, финал поисков «храма на зеленом холме». Одновременно была прочерчена то ли стартовая, то ли финишная черта понимания глобализма как но-

⁴⁶ Процесс, фактически, инициированный речью президента Линдона Джонсона 7 октября 1966 г.

Тамара Юфа. Герои «Калевалы»

вого мирового порядка⁴⁷ и идеологического умиротворения, а также, если и не конфессионального единства, то некоего сбалансированного, конструктивного, мультикультурного диалога. Этот идеал оказался, правда, омрачен разного рода экологическими, демографическими и ресурсными ограничениями, которые, между тем, самим фактом своего существования создавали предпосылки для обустройства универсальной идеологической платформы предстоящей политической реконструкции (*e.g.* концепция «устойчивого /самоподдерживающегося развития»).

Второй концепт появился не сразу. Первое время на место оппонента Америки выводился (что уже и вспоминается-то с трудом) «мировой криминалитет», прежде всего — наркотрафик. Тут, правда, возникли свои обстоятельства... Однако концепция конфликта цивилизаций, несмотря на подвижку в типологии политической субъектности, суме-

⁴⁷ Хотя сам термин «новый мировой порядок» имеет долгую историю (и употреблялся, к примеру, в политическом залоге президентом Вудро Вильсоном в начале прошлого века, а его модификация запечатлена на большой печати США), в качестве современной инициативы идея была обозначена в политическом лексиконе Михаилом Горбачевым в июне 1990 г. Выступая в Вашингтоне и Стэнфорде, президент СССР неоднократно упоминал об «идее вселенского единства», о «приближении к новому миру», «строительстве здания новой цивилизации», формировании «нового мирового порядка» («Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы». С. 48–49, 70, 131, 135. См. также: *Gorbachev M. Perestroika and the New World Order: Selected speeches*. Moscow, 1991). Термин приобрел современное звучание после подписания Парижских соглашений в конце 1990 г., а также после того, как президент Джордж Буш-старший воспользовался им в контексте первой иракской кампании. Концепт сохраняет амбивалентность, позволяющую вкладывать в него достаточно разный смысл. Его внутреннее содержание, с одной стороны, тесно связано с постулатами неолиберализма («глобальный свободный рынок») и мондиализма («глобальное управление»), с другой, — частично восходит к весьма отличной по духу концепции «новый международный экономический порядок», активно разрабатываемой в 1970-е гг. странами «Третьего мира», а также к идее универсального мира (в библейской эсхатологии намеченная у пророков Исаии, 2, 2–4 и Михея, 4, 1–3).

ла-таки создать предпосылки для идентификации гораздо более внятного и привычного образа врага: сначала в виде клуба нечестивых персонажей «оси зла», затем — и уже надолго — исламского экстремизма (исламизма), особенно в ипостаси терроризма, имея «в рукаве» еще одного потенциального претендента — Китай.

В сущности, бывшее противостояние на пороге миллениума фигур *Буша* и *Гора* символически и политически обозначило ситуацию исторического «момента истины» для стратегического дизайна Америки. Джордж Буш-младший стал инициатором перевода темы «борьбы цивилизаций» во вполне конкретную, по-своему (типологически) привычную, и отнюдь не метафорическую «войну с терроризмом» (с использованием вооруженных сил, военнопленными, особым типом судопроизводства и т. п.). Альберт же Гор явился, по сути, идеологом нового универсализма в духе разворачивающейся концептуалистики мирового баланса и устойчивого развития как пролегоменов более сложной, гибкой и полифоничной системы глобального управления, основанной на заметно ином понимании (акценте) силы и необходимости уже в ближайшем будущем действовать в условиях заметно усложненной, неоднотонной картографии мира.

В момент приближения к кризису — из-за «узкого» ли прочтения обстоятельств, либо применения прежнего поколения средств безопасности (оставляющего лишь коридор эскалации) в социальном, политическом, методологическом арсенале Америки — тем не менее, оказалось нечто, что еще можно предъявлять городу и миру в качестве источника «второго дыхания» цивилизации в дьявольски сложной альтернативе социального транзита.

Но основная ставка в борьбе за будущее оказывается гораздо выше. В битве за игральный стол козырными картами являются все же не та или иная топография ландшафта, а целью не просто призовое место в гонке за политическое либо иное доминирование. Проблема, как ни странно это

прозвучит, скорее, в самой постановке вопроса. И в объекте борьбы. Что, собственно говоря, следует понимать под *будущим*, каков категориальный статус картографического *New Deal*? Кто из игроков играет сам, а кто — лишь агент на ковре в глобальном *Casino Royal*, и что находится на кону: фишки, деньги, позиции или же нечто иное?

И еще одна серия вопросов. Какие образы тиражируются сегодня в общественном сознании и психее? Большой социальный взрыв? Мир «элоев» и «морлоков»? Экологическая, демографическая или экономическая катастрофа? Новый мировой беспорядок и выход на поверхность с политическими претензиями столь подобного ленте Мебиуса мирового андеграунда? Неоархаизация и хаотизация прежней модели порядка после осознания ее нереализуемости и с двусмысленной претензией на проблематичное управление в условиях неопределенности? Новая «астероидная» и клановая география мировой политики? Инновационный прорыв в парадиз нового золотого века (в той или иной версии миллениаризма) либо порыв к звездам?...

Уже в концепции Фукуямы понятие — не то что бы прогресса, но последовательного продвижения в пространства социальной и исторической новизны — было поставлено под вопрос. В общем: «*Остановись мгновенье, ты прекрасно!*». Лимит на революции объявлялся исчерпанным, а насущной проблемой декларировались экологическое, демографическое, экономическое обустройство, *удержание* планеты, порою с пессимистичными и мрачными обертонами архаичного и традиционалистского (а заодно и «мальтузианского») свойства...

В подобном подходе к принципам и параметрам человеческой вселенной видны симптомы колоссальной культурной инверсии, возврата к, казалось бы, давно отвергнутым и забытым кодам отошедшего в прошлое мира. Но кто субъекты подобного охранительного инстинкта контристории — те, кто отрицают прежние понимание будущего, кто замыкает исторический горизонт, выбрасывая на свалку ис-

тории ценности прогресса, гуманизма, *libirte, egalite, fraternite*, принимая на себя обязанности держателя врат и ключей? Вершиной истории признаются здесь не только определенный тип политического регламента и формула миропорядка. Замкнутый геоэкономический универсум — модель глобального каталога вещей и людей, по сути, объявляется оптимальной часовой механикой мира, теряющего творческую силу. Мира, подвергаемого экзорцизму на предмет изгнания из него всякой неконтролируемой инновации как явления. И вообще — исключения любого нарушения пределов (т. е. происходит возрождение и утверждение архаичной — по своему генезису и временам расцвета — идеологии баланса).

Новый класс управленцев, в условиях нечестивого исторического конкордата сочетающийся крепкими узами с финансовой олигархией⁴⁸ на алтаре неолиберальной версии мироустройства, сделал ставку на мегапроект глобальной геоэкономической машины, объединяющей мир обезличиваемых людей, оцифровывая всевозможные виды практики, превращая любые формы антропологической активности в ту или иную меру универсальной капитализации и урожая квазиуренты. И противостоящий этому амбициозному проекту не менее амбициозный мир людей-*moderni* — людей-новаторов, творцов, соединивших судьбу свою и мира с дальней границей промысла, уходящей за любой мыслимый земной горизонт.

И те, и другие персонажи человеческой драмы сосуществуют в едином времени и на одной планете. Осознание же открытости мира и уникальности возрожденной в русле истории личности позволяет понимать историю не как бесконечно растягиваемый «срок», но как основной модус существ-

⁴⁸ Так, к примеру, «в 2006 году частные инвестиционные фонды потратили на скупку активов по всему миру 400 млрд долларов. В их органы правления входят экс-президенты и бывшие главы крупнейших корпораций. За счет собственных средств они скупают активы стоимостью десятки миллиардов долларов» (Взгляд, 2007. 26 февраля).

вованя людей, как необходимое условие их перманентной трансценденции к высшему, истинному состоянию. Разделившись, таким образом, внутри себя, цивилизация вступает в историческую схватку за право на формулу творения и борьбу за будущее как значимую категорию, а не вечный, неизбывный срок *деятельного оцепенения*. Борьбу, исход которой предопределяет, в конечном счете, траекторию исторической судьбы и достоинство человека.

Подобная «творческая демократия» знаменует снятие правового ценза в масштабе планеты; иначе говоря, новое, демократическое понимание суверенности означает одновременно легализацию новой политической субъектности. Прочерчиваются версии взаимоотношений, которые будут складываться в типологически изменившейся среде: возобладает ли на планете дух *человеческой солидарности* или разумность коммунального существования выразится в здравом смысле *вежливой автономности*? Не исключен, однако, подтвержденный многовековым анамнезом человеческой страсти (истории) вариант *враждебной конкуренции* различных организмов (как в рамках межвидовой борьбы, так не менее яростно и в процессе «социального каннибализма»).

Поль Рикер, размышляя некогда о схожей, но не тождественной теме — проблеме взаимоотношения разных миров и возможных обстоятельствах столкновения цивилизации с «другим», еще достаточно благостно формулировал свое видение приближающихся горизонтов: *«Мы ничего не можем сказать о том, что станет с нашей цивилизацией, когда она действительно встретится с другими цивилизациями без потрясений, вызванных завоеванием и подчинением. И, надо признаться откровенно, что подобные встречи до сих пор не проходили в форме подлинного диалога. Вот почему мы пребываем в своего рода транзитном состоянии, междуцарствии, будучи уже не в состоянии подчиняться догматизму единой истины, но еще и не способными преодолеть захлестнувший нас скептицизм. Мы находимся на рас-*

путье, на стадии заката догматизма, на пороге подлинного диалога».

* * *

Итак, мир Модернити, кажется, исчислил сроки, и его пределам виден конец...

Пределность — само по себе непростое, даже двусмысленное состояние (и, кажется, естественная тема для завершения разговора). Это, с одной стороны, полнота реализации явления (как в сущей, так и в возможной его проекции), предъявление скрытых резервов потенциального содержания, исполнение многообразия версий. И одновременно это ситуация острого кризиса — исчерпания природы феномена, в данном случае «исторического», т. е. по ходу дела списываемого в прошлое, «в утиль». Или, как в свое время было принято говорить, — «выбрасываемого на свалку истории». А еще это высокая вероятность соприкосновения, встречи с *иным*, проникновения в его оригинальное и доселе неведомое содержание, что имеет следствием (как минимум) разрушение прежней категориальности.

Иначе говоря, в подобных обстоятельствах проявляется критическое несоответствие обозначаемого объекта — видимого или невидимого — изначальному кругу идей, *определению определяемого*.

Далее следует либо стагнация существующей ситуации, нередко переходящая со временем в деградацию и разрушение конструкции (хаотизация организации), либо стремительный транзит и властный приход иного. Или и то, и другое параллельно. Появляется также дерзновение (и жизненная, по сути, необходимость) заглянуть за языковой горизонт, отделяющий невнятную, анонимную событийность плотным лексическим (семантическим) частоколом категориального аппарата. Это увертюра и пролог драмы.

Однако главное событие совершается в тот момент, когда занавес поднимается и публике зримо предъявляется оригинальный субъект, воспринимаемый зрителями (да и

самими актерами) как очевидный и достойный конкурент фаворитам прежней труппы. Означает же данное действие даже нечто большее: это уже не новояз аналитиков и конкурирующие прозрения провидцев, и не тайное оружие умных практиков, мастеров интуитивной преадаптации, — на исторической сцене возникает освещенный светом софитов персонаж, который заявляет *urbi et orbi*: «Реальность — это я». (Или иначе, но то же самое: «Все вы — колода карт»).

Атакующая глобальный зрительный зал новизна воспринимается — в сравнении с привычным декором и прочими структурами повседневности — как самоочевидный им антитезис. (И, в общем-то, таковой является, вопрос лишь — в каком смысле.) А набив со временем шишки и набрав очки, кандидат в гегемоны может вдруг тихо сойти с исторической сцены либо, наоборот, громко хлопнуть дверью. Или попытаться объявить себя сувереном, оказавшись на деле (что также не исключено) «халифом на час» нового мира. Однако в случае обоснованности претензий и состоятельности предъявленных аргументов — просто самим фактом властного существования — инициировать деконструкцию стремительно устаревающей и «разбегающейся» среды, а не просто «кадровый дефолт» и изгнание из нее прежних субъектов действия.

Подобная историческая комедия — т. е. смешение разноположенных локусов и обитающих в них персонажей — привносит в жизнь энергию творческой деструкции, причем в определении «творческая» таится далеко не очевидный, но опасный риф...

Сегодня, с позиций настоящего вглядываясь в прошлое, мы видим: весь XX в. был, в сущности, *веком транзита*. В ходе революции масс, деколонизации, инновационно-промышленного взрыва, социальных революций и культурных потрясений миру предъявлялись различные штаммы и версии поколения деятельных субъектов/агентов перемен: от «джиласовского» нового класса, участников «революции менеджеров», до влиятельных транснациональных органи-

зованностей самого различного генезиса. И, что, пожалуй, важнее, это мозаичное семейство выстраивает собственный сюжет, сопряженный с привычным социальным пространством и его обитателями, т. е. миром, который вроде бы никуда не делся и продолжает существовать, лишь временами испытывая беспокойство от очередной странности или невнятности (сбоя в программе) происходящих событий.

И все же, будучи связан с прежним мироустройством тысячью нитей, но в чем-то уже и автономный ареал постепенно погружается в паутину собственных взаимоотношений, приобретающих доминантное значение для инновационной и социальной практики.

Метафорически подобную ситуацию можно сравнить с отменой сословных привилегий или, скажем, избирательного ценза — категория суверенности претерпевает столь же значимую историческую мутацию, а ее предметное поле переживает поистине взрывную экспансию.

Опять же, чтобы не быть голословным, суммирую примеры версий (модификаций) государственности и суверенности, случившиеся в прошлом веке, т. е. феноменологию заполнения соответствующего категориального круга и направлений его разрыва.

Во-первых, это уже обсуждавшиеся ранее *трансформеры* прежних исключительных субъектов международных отношений — национальных государств: мировые регулирующие органы, страны-системы, субсидиарные образования, в том числе такая новация, как «*государственность под международным и военным контролем*», и прочие плоды глокализации мира.

Во-вторых, *химеры*, возникающие на основе взаимодействия национальных государств в геоэкономической системе координат и новых форм разделения труда либо системной «картелизации» тех или иных видов практики. Ярким (но относительно «традиционным» по сравнению с радикальными формами геоэкономической суверенности) примером синтеза экономической и политической проект-

ности является история Европейского объединения угля и стали, трансформировавшегося сначала в Европейское экономическое сообщество, а затем в Европейский Союз и, наконец, его особую модификацию — «государство Шенген».

И лишь мельком упомяну умножение потенциалов и проекций транснациональной юриспруденции, обозначившиеся горизонты судебной власти...

Наибольший интерес между тем представляет возникающее буквально на наших глазах поколение «*новых суверенов*», отчужденных от прежних прописей государственности, возвращающих и реализующих идею власти без государства. Эти деятельные организмы, умножаясь в числе и претерпевая мутации, так или иначе проявляются в чрезвычайно широком диапазоне (напоминая гипотетический биогенный «бульон Опарина»): от государств-корпораций, причем в двух различных ипостасях: (а) капитализирующих целостную национальную корпорацию и (б) коллективных «баронов», ориентированных на ту или иную отраслевую мегакорпорацию, до трансграничных «астероидных» союзов подобных отраслевых «баронов», принадлежавших к различным «планетам» прежней картографии политического пейзажа. И так вплоть до орбитального калейдоскопа формальных/неформальных организованностей, обладающих трансэкономическим целеполаганием и еще более невнятной структурой, но одновременно с этим ощутимым (или, точнее, весьма чувствительным) влиянием. И даже «персонсуверенов», т. е. возникающей на обломках старого экономистического мира в ходе совершающейся антропологической революции *Pax Gentium* — «глобальной империи человека».

Вспомним также о другом тезисе, касавшемся понятия *предела*: об ощущении мира за горизонтом, рационализации данной сопричастности, необходимости его опознавать и внятно различать при отсутствии столь привычного инструментария, как категориальный аппарат.

Здесь, конечно, таится серьезный интеллектуальный вызов. Действительно, должны ли мы искать выход из ло-

Художник А.И. Калашников.
Расцвет культуры и искусства на Руси

гического тупика на путях изощрения прежней рациональности либо пытаться, умело уклоняясь от соблазнов метафорического языка, реализовать амбициозную попытку построения новой рациональности и последовательного определения архитектоники возникающих социальных и антропологических констелляций? Ведь то, что нас действительно интересует, — это не просто *констатация* перспектив социального *Big Bang*'а или *Big Rip*'а, но *маршрут* в мире за горизонтом. Язык тут лишь инструмент и, возможно, роль.

Картография возникающей галактики людей никоим образом не является ворохом разрозненных и плохо сочетаемых топографических отчетов прежней практики. Другими словами, нам не предлагается сделать выбор между устаревшими, т. е. скроенными по прежним лекалам и несовершенными по определению — листами атласа либо их конъюнктурной компиляцией в ту или иную химеру. Но, как минимум, драматические обстоятельства предполагают опознание языка, на котором произносится то самое, сакральное: «*Реальность — это я*»...

И еще коварное обстоятельство — обозначенный в ходе рассуждения «риф»: а способны ли мы, в принципе, анализировать и адекватно описывать такое явление, как социальный транзит? Интенции Творца — в отличие от человеческих качеств — не направлены на восстановление прошлого или иной версии личного либо общего «золотого века»: порушенного, в силу тех ли, иных причин, несостоявшегося идеала. Имманентное свойство промысла — свободное творчество, отсюда исходят то перманентное обновление мира и та новизна, которую мы называем будущим. Но отсюда же — предельность в удержании плодов, осмыслении перспектив, не позволяя одухотворенным замыслам и рожденным дыханием твореньям вновь и вновь обращаться в обломки, становясь осколками распавшихся или призраками недовожденных миров: свалкой Большой истории, ее «геенной» и очердным неисполнением завета.

Наконец, последнее. Поднятые вопросы можно не обсуждать вообще, либо подойти к обсуждению более конкретно или, напротив, формально и поверхностно, если бы не одно обстоятельство.

Проблема конкуренции в освоении новизны не является задачей, так сказать, только академической. *«Не созерцание, а действие есть цель всякого творения — вывести людей в этой жизни из несчастного состояния и привести их к состоянию блаженному»*, — быть может, звучащий для наших дней слишком категорично и оптимистично, но зато вполне внятный политический рецепт, сформулированный Данте Альигери. Будущее мира людей не базируется на анализе субъектно-объектных отношений и мало зависит от него, имея целью не очередной градус насыщения социального дискурса, но отражает борьбу конфликтующих смыслов и мировоззренческих постулатов, пульсирующих автономий и энергичных субъектов, сходящихся время от времени в смертельной для большинства из них схватке за реальность.

Благодарю за внимание.

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.И. Соловьев):

Александр Иванович, я хотел бы узнать, насколько уточняется приведенная Вами классификация форм мышления функционально-ролевой природой носителей этого мышления?

Ответ:

На мой взгляд, имеет место выраженная тенденция, правда, в обрамлении некоторого противоречия. Человек и его мышление — развивающаяся система, последовательно проходящая сквозь шлюзы фазовых переходов, преодолевающая ограничения, наложенные на него, скажем так, природой. Функционально-ролевые или, иначе говоря, социальные атрибуты человека и человечества являются формой, если так можно выразиться, «горизонтального» освоения открывшихся пространств. Кроме того, социальность исполняет также охранительные задачи, предохраняя людей от инверсии, уплощения социализируемой формы мышления, от хаотизации и инволюции. Наконец, социально-ролевые функции выполняют также некую поисковую задачу, отыскивая в амбивалентной новизне нить Ариадны, способную привести к очередной трансценденции — фазовому переходу, ведущему к повышению градуса свободы и усложнению системы. Сильно упрощая ситуацию, можно сказать, что специфика человека — антиэнтропийная его природа, производящая все более сложные формы, преодолевая при этом вероятность низвержения в энтропийное безумие, которым чреват транзит («хаотизация организации»). Имея, впрочем, в виду то самое, «полицейское» предназначение социальности, ибо функционально-ролевая природа общества отдает предпочтение все же охранительным, аутопоэтическим механизмам, предлагая самому субъекту новой породы доказывать свое превосходство в столкновении с